

МИХАИЛ УСОВ

Рассказы о том, что вокруг нас

КОГДА ЕЖ НЕ В ДУХЕ

Еж был явно не в духе.

Подумайте сами, целую неделю косят траву, почти у самого уха свистит преострая коса. Ни поспать ежу, ни пройти. Луг обнажился, срезанная трава в рядках вянет, сохнет.

Снова — в какой раз! — свистнула коса, и побежал еж подальше от беды. Но куда ни подается — все голо, укрыться негде.

А тут я подхожу, — заметил во-он еще откуда ежа: чего это он среди белого дня разгуливает? Ему же, конечно, как вы понимаете, не до гулянья. Тихого местечка себе еж не найдет, сгоняют его косари.

От меня до ежа не больше десятка шагов. Стоит, лапки уперлись в землю, длинная мордочка повернута в мою сторону. Даже нос слегка ехиден, что еще больше выдает душевное состояние ежа. И осердител он, раздражен вон как, а тут еще нелегкая кого-то несет. И чего ждать от этой встречи? Добра во всяком случае не жди...

Я понимаю это состояние ежа, но мне так хочется поближе познакомиться с владельцем колючей шубки.

— Я тебя не трону, — обращаюсь к нему примирительно, вполголоса, а сам переступлю и остановлюсь.

— Я тебя не трону.

Еж — не двигается. Недоверчиво темнеет глазок. Носик так же — чуть набок, в мою сторону.

Пробую зайти с тыла. Повторяю самым ласковым голосом:

— Я тебя, ежка, не обижу, честное слово!

Темный глазок зверушки не отпускает меня из-под контроля, а вся поза не требует слов: «Знаем вашего брата, только развесь уши, как же!»

Тут я решился, шагнул еще несколько раз, стою рядом.

Еж — ни с места, И в колючий клубок не сворачивается. Только, пугая меня, фукнул — я, мол, тебе сейчас задам!

Слегка двинул его ногой, а он

голову подвернул и «фу-фу»!

Тогда я вытянул правую руку, хочу погладить ежа по спинке, а он как поддаст, как кольнет своими иголками и еще громче прежнего фукнул, — я и впрямь оробел, руку отдернул, уколотые пальцы потираю.

Попытался еще погладить, а еж пуце прежнего рассерчал, как поддаст, как поддаст, прямо-таки всей тушкой подпрыгивает и фукает, ну, вот лишь не говорит: «Я тебе еще не так задам, ты меня еще только тронь, только тронь!» Пришлось отказаться от близкого знакомства с ежом, оставить его в покое.

И вы, когда еж не в духе, не лезьте к нему со своим знакомством. Иголок у него много-много и все преострые.

Сам знаю.

ЖИВЕХОНЕК!

Воробьи шныряют. Скачут по земле. «Чик-чилик! Чик-чилик!» — слышится отовсюду. У каждого весенняя обнова: перо чистое, одно к другому подогнано. Хороши! Не одним криквом разнаряжаться.

Откуда-то — маленький ястреб. За ним еще прозвище есть: перепелятник. Видно разбойника по хватке! Воробьи словно поперхнулись, а сами, сломя голову, кто куда.

Ястреб как кинется за одним — даже мне стало страшно. Очень лют тут ястреб, бросился он, как камень из пращи. И тут бы воробью конец, да в тот миг домчался он до куста. Ястреб хищно взмыл над ним, а воробей шмыг в самую гущу веток. Ухватиться за одну из них успел, но «память» тотчас же его оставила. Вижу только — валится воробей головой вниз. Однако не упал комом, а повис на веточке, и замер, как неживой.

Ястреб еще облетел куст, очень ему не хотелось расставаться с добычей, — но здесь я не выдержал — закричал и замахал на него.

Подбегаю к кусту, глаз не спускаю с воробья. Тонкие ножки словно вросли в веточку. Не сразу я снял воробья, так он крепко-накрепко уцепился, ища спасения.

Бережно держу на ладони. И не знаю — жив ли! Но тут пленочка на глазу у него задрожала, задергалась, затем чуть-чуть приоткрылась.

Эх, как я обрадовался: живехонек!

А воробей встрепенулся весь и — пых с моей ладони. Только его и видел.

Теперь для меня каждый воробей спасенным выглядит.

ДИКИЕ МАСЛИНЫ

На поляне цвели пунцовые маки. Их было столько, что все вокруг пылало. Какие-то бледно-зеленые деревца, раскинув ветви, выглядели совсем посторонними среди нарядной поляны из маков. Тут я уловил нежное звучание, такое знакомое и в то же время словно впервые услышанное.

«Пчелы!» — и сразу же зашпешил, заторопился к макам. Где же быть пчелам, как не на этих ярко пламенеющих цветах!

Иду среди маков, и любой выглядит красавцем. Нежные алые лепестки, черные пестики и тычинки на самом доньшке, — здесь должен храниться драгоценный нектар.

Странно, ни одной пчелы не замечая в пунцовом цветке. Не веря своим глазам — ищу, разыскиваю. Ведь вся поляна в пчелином жужжаньи, оно не стихает ни на секунду. Удивительная музыка, так не схожая ни с чем, словно колышет меня, убаюкивает.

Где же музыканты? Где пчелы!

И у моих ног, я чуть дальше, ж на том конце поляны рдеют маки.

Еще раз окидываю взором поляну: сколько цветов и ни одной пчелы. Да где они? А не прилетел ли сюда пчелиный рой! Не сел ли где здесь? Прямо на землю.

Приглядываюсь — все напрасно.

А музыка медового сбора не утихает, по-прежнему звучит на поляне.

Глянул я на деревца с бледно-зеленой листвой — на их ничем не примечательных мелких бледно-желтых цветках взбудораженно толклись пчелы, переносились с ветки на ветку.

Это были дикие маслины. Это в их нектарниках хранились драгоценные капельки. И пчелы, минуя багряные маки,

безошибочно прокладывали свой
воздушный путь сюда от пасеки.
Не все красивое таит в себе клады.